

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

— ИЗ ВЕЛИКИХ БИОГРАФИЙ —

ГОГОЛЬ В РИМЕ

В апреле этого года будет широко отмечаться знаменательная дата — 175 лет со дня рождения великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя. Материал, который мы публикуем с некоторыми сокращениями (полностью он будет напечатан во втором номере журнала «Советский музей»), рассказывает о годах, проведенных Гоголем в Италии.

ВЗНАМЕНИТОМ кафе Греко на виа Кондотти, близ площади Испании, в котором по традиции еще с начала прошлого века по вечерам собираются люди искусства, в правом дальнем углу есть столик, напротив которого на стене прикреплен медальон с портретом Николая Васильевича Гоголя. Портрет принадлежит кисти русского художника Сведомского. Считается, что именно в этом углу и именно за этим столиком любил сидеть великий русский писатель в бытность свою в Вечном городе.

Писатель прибыл в Рим весной 1837 года. Первые месяцы он снимал квартиру в доме некоего Джованни Мазуччи по улице Сан Исидоро, что «напротив церкви Сан Исидоро, близ площади Барберини», разъяснял Гоголь в своих письмах на родину. Здание это позднее было снесено. Зато сохранился другой дом, в который Гоголь переехал в июне 1837 года и в котором он прожил до мая 1843 года, если не считать его отлучек из Вечного города, продолжавшихся иногда около года.

Римляне хорошо знают этот дом. Он стоит по правой стороне, если идти к площади Испании, виа Систи́на, рядом с одноименным римским театром. В 1901 году на здании была установлена мемориальная доска.

Гоголь приехал в Рим, пережив тяжкую душевную драму. Началась она с травли в России после представления «Ревизора», в котором реакционная критика увидела покусение на основы самодержавия и крепостничества. Это ускорило отъезд Гоголя за границу, который в создавшейся обстановке был, скорее, похож на вынужденное бегство от преследований. За границей последовал второй удар: пришла весть о смерти Пушкина, которого Гоголь любил беспредельно и считал высшим судьей своего творчества. «Моя утрата всех больше», — писал он М. П. Погодину. — Ты скорбишь как русский, как писатель, я... я и сотой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерло с ним. ...Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Все, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему...».

И далее следуют горькие слова о тех, кто погубил поэта и заставил самого Гоголя искать душевного приюта на чужбине: «Ты приглашаешь меня ехать к вам. Для чего? Не для того ли, чтобы повторить вечную участь поэтов на родине!.. Я живу около года в чужой земле, вижу прекрасные небеса, мир, богатый искусствами и человеком. Но разве перо мое принялось описывать предметы, могущие поразить всякого? Ни одной строчки не мог посвятить я чуждому. Непреодолимою цепью прикован я к своему, и наш бедный, неяркий мир наш, наши курные избы, обнаженные пространства предпочел я лучшим небесам, приветливее глядевшим на меня. И я ли после этого могу не любить своей отчизны? Но ехать, выносить надменную гордость безмозглого класса людей...»

От «безмозглого класса людей», впрочем, спасения не было и в Риме. Италия тогда была в моде среди русских вельмож. Многие из этих праздношатающихся бездельников считали своим долгом навесить знаменитого писателя. Николай Васильевича они бесконечно раздражали, и он бежал от них, как от чумы.

ГОГОЛЬ с огромнейшим душевным подъемом отдавался исполнению, по его собственному выражению, главного труда своей жизни — писал «Мертвые души». В завершении этой работы он видел как бы выполнение обета своему незабвенному другу, ибо сюжет «Мертвых душ», так же как и «Ревизора», был подсказан ему Пушкиным.

Своему вдохновению Гоголь во многом был обязан Риму. Писатель действительно с первых же дней своего пребывания в Вечном городе всеми силами души привязался к его природе, архитектуре, памятникам, людям. Восторгами Римом полны все его письма. В них золотыми крупинками разбросаны действительно точные образы города и зарисовки жизни его обитателей, которые еще и сейчас поражают скващенной в них правдой жизни. «Когда въехал в Рим, — рассказывает Гоголь в одном из первых писем, — я в первый раз не мог дать себе ясного отчета. Он показался маленьким. Но чем далее, он мне кажется большим и большим, строения огромнее, виды красивее, небо лучше, а картин, развалин и антиков смотреть на всю жизнь станет. Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу — и уж на всю жизнь».

Гоголь, как свидетельствуют все современники, превосходно знал историю Италии, ее искусство и язык. В этом секрет глубокого проникновения писателя в местную жизнь и необыкновенной верности его римских зарисовок, настоящих живописных панно, блестящих неувядаемыми, яркими и живыми красками: «Пред ним в чудной сияющей панораме предстал Вечный город. Вся светлая гряда домов, церквей, куполов, острокопечий сильно освещена была блеском понизившегося солнца. Группами и поодиночке один из-за другого выходили дома, крыши, статуи, воздушные террасы и галереи; там пестрела и разыгрывалась масса тонкими верхушками колоколен и куполов с узорною капризностью фонарей; там выходил целиком темный дворец; там плоский купол Пантеона... еще правее возносились верхи капитолийские здания с конями, статуями; еще правее, над бегущей толпой домов и крыш величественно и строго подымалась темная ширина коллизейской громады; там опять играющая толпа стен, террас и куполов, покрытая ослепительным блеском солнца».

Казалось бы, впечатления от Рима, захватившие писателя, должны были заслонить, затуманить видение его далекой родины. Но именно в Риме Гоголем были созданы поразительные по своей убедительности и жизненной рельефности картины русского бытия, создан пронзительный по силе поэтического чувства образ России — птицы-тройки.

Сам писатель источник вдохновения, нискодишшего на него в Риме, видел в богатейшем культурно-историческом наследии Италии, будившем его воображение, волновавшем его душу, рождавшем новые идеи и образы, «ибо, — писал он, — высоко возвышает искусство человека, придавая благородство и красоту чудную движениям души». А душа Гоголя ни на минуту не переставала быть русской. Бренное тело мое вне России, говорил он Жуковскому, но «мысли мои, мое имя, мои труды» принадлежат ей.

Литературоведам еще предстоит определить, в какой степени отразились Рим и Италия, античность и Возрождение, которые впитывал в себя Гоголь в Вечном городе, на страницах «Мертвых душ» и вообще в творчестве писателя. Никто не может поставить под сомнение, что «Мертвые души» — одно из самых русских по духу творений нашей национальной литературы. Но и в «Мертвых душах» при внимательном рассмотрении легко обнаружить итальянские реалии, расцветшие богатейшей фантазией писателя. Будь это каменный мост, о котором мечтал празднично-блестящий Манилов, с лавками по обеим сторонам, «чтобы в них сидели кунцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян», — мост, в котором без труда можно узнать знаменитый флорентийский Понте Веккьо с бойкой торговлей всякой всячиной в расползавшихся на нем ботгах. Будь это наводящее античным Римом сравнение колоссального ствола березы, срезанного бурей в плещ-

кинском саду, с мраморной колонной, украшенной острокопечным изломом вместо капители. Будь это неожиданная ассоциация с прямой южной пальмой фигуры негнущейся супруги Собакевича Феодулии Ивановны...

И одновременно пребывание в Италии, наблюдения и размышления о тамашней жизни позволили великому русскому писателю увидеть свою родину в новом свете, бичуя пороки ее общественного устройства, предугадать великую будущность ее народа, наполнявшую сердце его безмерной гордостью за свою землю, «что не любит шутить, а ровнем гладнем разметнулась на полсвета».

Жил Гоголь в Риме весьма скромно, даже аскетически. Часто терпел нужду в деньгах. Комната его, по описанию П. Анненкова, была лишена каких бы то ни было украшений. Она имела два окна с решетчатыми ставнями, предохранявшими от слишком яркого света и зноя. Рядом с дверью стояла кровать, посредине — большой круглый стол. У другой стены располагался узкий соломенный диван и книжный шкаф. У противоположной стены помещалось письменное бюро в рост Гоголя, имевшего обыкновение писать свои произведения стоя. По бокам бюро — стулья с книгами, бельем, платьем. Каменный мозаичный пол звенел под ногами, и только у письменного бюро и у кровати разостланы были небольшие коврики...

Гоголь вставал обыкновенно очень рано и тут же принимался за работу. На письменном бюро он постоянно держал графин с холодной водой и, диктуя, время от времени выпивал стакан воды, имевшей, по-видимому, лечебные свойства. После завтрака в кафе «Буон густо» и прогулки по Риму, которую Гоголь предпочитал совершать в одиночку, он возвращался домой для продолжения работы. Диктовал Гоголь, рассказывая Анненкову, мерно, торжественно, с большим чувством. «Это было похоже, — вспоминает мемуарист, — на спокойное, правильно разлитое вдохновение, какое порождается обыкновенно глубоким созерцанием предмета. Николай Васильевич ждал терпеливо моего последнего слова и продолжал новый период тем же голосом, проникнутым сосредоточенным чувством и мыслью. Превосходный тон этой поэтической диктовки был так истинен в самом себе, что не мог быть ничем ослаблен или изменен...»

ОБЕДАЛ Гоголь в «Лепре» или «Фальконе», где сходилась разноязычная публика иностранных художников и туристов, а также и простой римский люд. За столом к писателю присоединялись Александр Иванов, римский старожила из числа русской художнической колонии, обитавший в Риме с 1830 года, гравер Федор Иордан, другие русские живописцы. По вечерам та же компания собиралась в комнате Гоголя. Кто-нибудь из друзей захватывал по дороге плетеную бутылку белого орвьетто, Иванов приносил в кармане жареные каштаны.

Вечер проходил непринужденно, особенно в первые годы, когда Гоголь часто бывал в ударе и с присущим ему артистическим талантом смешил всех веселыми анекдотами. Но нередко бывало и так, что писатель целиком уходил в себя и за вечер не произносил ни слова. Гравер Федор Иордан, пользовавшийся расположением Николая Васильевича за свой незлобивый и добродушный характер, но человек недалекий и ремесленный в душе, бывал совершенно не в состоянии понять эти приступы задумчивости, нападавшие на их приятеля, и выговаривал Гоголю за это. «Мы ведь, мастера, — с обезоруживающей откровенностью заявлял он, — потрудившись целый день, идем к вам послушать что-нибудь веселое и назидательное, а вы молчите и желаете, чтобы мы вас занимали».

Впрочем, задетое самолюбие не помешало Иордану признать необычайную доброту писателя, который, хотя и подтрунивал над этим живописцем, называя его «Рафаэлем первого манера», всячески способствовал его известности. И не одного только Иордана. «Гоголь многим делал добро рекомендациями, — пишет гравер в своих воспоминаниях, — благодаря которым художники получали новые заказы».

Этим же было вызвано согласие Гоголя прочитать «Ревизора» перед русской колонией в Риме с тем, чтобы сбор от чтения был передан больному художнику И. С. Шаповалову. Чтение было устроено в те дни, когда в Риме находился русский наследник престола с огромной свитой великосветских щеголей. Многие из них явились на чтение, для чего жившая в Риме княгиня Зинаида Александровна Волконская, которая была воспета Пушкиным в стихотворении «Среди расейной Москвы», предоставила зал в своей квартире в палаццо Поли, у фонтана Треви. Несмотря на старание Волконской, употребившей все свое обаяние, чтобы расположить в пользу писателя петербургских гостей, Гоголь сразу почувствовал враждебную настроенность аудитории и мгновенно утратил тот подъем, с которым собирался выполнить свою миссию. О том, что случилось потом в палаццо Поли, мы знаем со слов Иордана: «...видим, Н. В. Гоголь с довольно пасмурным лицом раскрывает тетрадь, садится и начинает читать, валю, с большими расстановками, монотонно. Публика, по-видимому, была мало заинтересована, скорее, скучала, нежели слушала внимательно... Во время чтения второго действия многие кресла оказались пустыми».

Лучшие портреты писателя были созданы художниками, с которыми он познакомился и сдружился в Риме: Федором Моллером, Александром Ивановым, Федором Иорданом. Русскому живописцу, входившему в круг гоголевских приятелей по Риму, видимо, принадлежит и находящийся в одном зарубежном собрании миниатюра писателя, написанная масляными красками на холсте. Гоголь изображен с длинными волосами, которые он, как известно, стал носить с 1840 года. На нем темный сюртук и белая рубашка. По своему типу этот портрет ближе всего к работам Александра Иванова, наиболее верно передающим облик писателя. Но лицо его дано в ином повороте, который встречается на портретах Ф. Моллера.

Предполагать, что зарубежная миниатюра была выполнена с натуры, позволяет не только то, что она не повторяет ни один из известных и достоверных прижизненных портретов Гоголя. За пределами России после смерти писателя оставались жить некоторые его друзья, архивы и художественные коллекции которых впоследствии рассеялись по зарубежным собраниям. В Италии это были и З. А. Волконская, и юная приятельница Гоголя — Мария Петровна Балабина (в замужестве Вагнер), которая дожила до преклонного возраста (ум. в 1902 г.), последние годы жизни провела в Риме и была, между прочим, одним из инициаторов установки памятной доски на доме по виа Систи́на. У них вполне могли храниться прижизненные изображения писателя, которым до сего времени не суждено было вернуться на родину.

БОЛЕЕ ста лет минуло, как Николай Васильевич Гоголь бродил по улицам и переулкам Вечного города, черпая вдохновение для создания бессмертных картин жизни наших двух народов. Но еще и сейчас, посетив гоголевские места в Вечном городе, невольно ловишь себя на мысли, что смотришь на Рим гоголевскими глазами, поражаешься необычайной верности облика исторического Рима, встающего со страниц его произведений, заражаешься симпатией к его людям. Это как бы дань благодарности великого русского писателя Италии и ее народу, на земле которого ему было суждено испытать часы высокого творческого подъема, — дань благодарности, идущая через века.

Иван БОЧАРОВ,
Юлия ГЛУШАКОВА.